

И.В. Октябрьская
Россия, Новосибирск
Институт археологии и этнографии СО РАН
Категория «границы» в этнокультурных исследованиях Сибири

Известно, что в современном академическом дискурсе категория «границы» претендует на общенаучный и философский уровень. Она проецируется на многие сферы бытия и выступает в количественном, качественном, пространственном и временном аспектах. При всей вариативности трактовок, исследователи подчеркивают исключительную значимость этой категории для географических, политических, экономических, этнологических исследований.

Осмысление феномена границ во всем многообразии их свойств и характеристик традиционно является частью этнографической науки, формировавшейся одновременно со становлением многонационального Российского государства. Его историю определяло территориальное расширение за счет стихийных и организованных колонизационных и миграционных процессов. В истории российских политических практик термин «граница» начал употребляться с XIV в; был актуализирован в XVIII-XIX в. в процессе законодательного оформления и утверждения государственных границ. Границы обозначали пределы суверенитета, определяли территории, которые были объектами охраны и налогообложения; структурировали природные и человеческие ресурсы.

Изменения состава освоенных Россией территорий и их народов делали проблему границы особенно актуальной вплоть до начала XX в. В отечественной археологии и этнографии понятие «границы» осваивалось в русле теории антропогеографии. Категория «граница» в ней рассматривалась как компромисс между стремлениями государства к расширению и возможностями этого расширения. Одним из сторонников антропогеографии в России был редактор журнала «Землеведение», археолог и этнограф Д. Н. Анучин.

Обострение политической ситуации в Старом свете, обернувшееся войной 1914 г., нарушило сложившиеся границы, стимулировало процесс самоопределения многих народов. Внимание властей и исследователей России было приковано к границам их расселения, менявшимся в ходе военных действий. В 1917 г. в решении этой проблемы была создана Особая комиссия для исследования племенного состава пограничных областей России. Свою практическую работу она начала уже при поддержке советского государства; в ходе революционных преобразований была переименована в Комиссию по изучению племенного состава населения России (в 1924–1929 гг. Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран). К 1929 гг. ее сотрудникам – ведущим этнографам России – удалось, в основном, решить задачу описания народонаселения СССР. Особое внимание при этом уделялось сибирским регионам. Актуальные исследования сотрудников Сибирского отдела были связаны с разворачивающимися процессами суверенизации народов края. Их результаты были учтены в ходе национально-территориального размежевания северных областей России. В 1922-1930 г., были определены границы и статус сибирских автономий. Они менялись в течении XX в. (вплоть до начала XXI в.), но неизменным оставался принцип оценки территории как важнейшего признака самоопределения народа. При этом в оценке границ акцентировали линейность и барьерные функции.

Реализованный в ходе практик социалистического строительства этот подход был созвучен теории этноса, разработанной в начале XX в. российскими этнографами, в том числе специалистом по тунгусо-манчжурским народам С.М. Широкогоровым. И хотя до 1950-х гг. теория этноса была исключена из методологии советской этнографии, типизация и картирования территорий и границ народов страны имели большое значение на уровне прикладных исследований. На первый план они вновь вышли после Второй мировой войны в связи с реструктуризацией границ Европы. Принципы и практики картирования этнических и государственных границ и территорий, их описание и оценка и широко обсуждались в России в 1950-1960 гг.

Определение этноса, ставшее к этому времени «легитимным» для советской этнографии, включало территорию в число его основных признаков, наряду с языком, культурой и самосознанием. Опиравшиеся на эту теорию, этнокультурные исследования Сибири были связаны с выделением культурно-языковых комплексов, локализованных во времени и пространстве. Для региональной науки середины XX в. был характерен ретроспективный подход, основанный на отождествлении археологических культур и этнокультурных сообществ. Исследования осуществлялись с использованием ареального метода; предполагали географическую проекцию явлений культуры и определенность границ. В развитии этнографического картирования возникла серия фундаментальных работ, в том числе «Историко-этнографический атлас Сибири» 1961 г.

Ареальных исследований в российской гуманитарной науке развивались в 1960-1990 гг. При этом категория «границы» постепенно меняла свое содержание: линейная граница, наделенная барьерной функцией, теряла силу универсалии. Границы оставались выражением национальной (этнонациональной) суверенности и региональной идентификации, но при этом широко обсуждались их интеграционные (коммуникативная, контактная) функции. Одновременно в этнокультурных и этно-исторических исследованиях появлялись такие понятия, как: «лимес» (от лат. *limes*/граница) – полоса укреплений как некий цивилизационный рубеж; «лимитроф» (от лат. *limitrophus*/пограничный) – буферное пространство трансграничных взаимодействий; «фронтир» (от англ. *Frontier*/ граница, рубеж), – порубежье между освоенными и неосвоенными землями как особая зона транскультурации. Категория «фронтира» в 1990-2000 гг. активно использовалась в изучении истории Сибири.

Рубеж XX-XXI вв. для отечественной этнологии стал временем пересмотра ряда методологических принципов. Теория этноса была скорректирована на основе конструктивистского (функционального) подхода, который акцентировал этничность в динамично меняющейся структуре идентичностей социально-исторических сообществ. Этничность рассматривали как форму организации и осмысления культурных характеристик группы, имевших для нее маркирующее значение. Со ссылками на Ф. Барта, к числу факторов, способствующих появлению и самосохранению этнических групп, исследователи относили «этнические границы», которыми, прежде всего, обозначили дифференцирующий потенциал социокультурных маркеров. Такой подход был реализован в этнокультурных исследованиях Сибири 2000-2010 гг. «Граница», став формой осознания группой различий и сходства с окружающим сообществом, потеряла свое значение как элемент двумерного картографического континуума; при этом сохранила функцию раздела своих и чужих, с возможным переходом от одного сообщества к другому.

Сходное понимание границы было реализовано в работах М.С. Михалева, который адаптировал концепты лимнологии (науки о границах) к задачам этнокультурного изучения сибирских территорий. По отношению к пограничным регионам Алтая, Тувы и Бурятии им была предложена концепция лимитрофа, соединяющего потенциал транскультурации с законодательной неизбежностью государственных границ.

В рамках антропологии движения, концептуальные основы которой были разработаны А.В. Головневым, «граница» приобрела динамичный характер, превратившись в «процесс» взаимодействия локальных и магистральных культур. Согласно теории исследователя, локальные культуры формировались на основе адаптации к эколого-ландшафтной и исторической реальности, магистральные являли собой механизм освоения социальных и культурных ресурсов в глобальных масштабах; они формировали сложные сообщества, которые в разные эпохи имели вид археологических культур, языковых семей и государств.

Таким образом, категория «границы» в этнокультурных исследованиях Сибири к началу XXI в. приобрела многомерный характер. В современной этнологии она включена в арсенал исследовательских концептов, описывающих и объясняющих этнокультурные, этносоциальные и этнополитические реалии России и ее отдельных регионов.